

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ МАРКО ПОЛО

ЛОУРЕНС БЕРГРИН

«Величайшая приключенческая биография» (*Outside Magazine*),
в топ-10 «Лучшие биографии» (*Booklist*)

18+

Лоуренс Бергрин

**История знаменитых
путешествий. Марко Поло**

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 910.4
ББК 26.890

Бергрин Л.

История знаменитых путешествий. Марко Поло / Л. Бергрин —
«Азбука-Аттикус», 2007

ISBN 978-5-389-23988-3

Марко Поло – купец, исследователь, авантюрист и путешественник XIII века – был первым и, пожалуй, самым известным европейцем, совершившим длительное путешествие по Азии и проложившим мост между Востоком и Западом. Странствия привели его к границам знакомого тогда Европе мира и за их пределы по опасному Шелковому пути ко двору Хубилай-хана, где он завоевал доверие могущественного правителя Монгольской империи. Вернувшись, венецианец познакомил соотечественников с культурными богатствами Востока, положив тем самым начало многовековому увлечению Азией. Первоклассный рассказчик, Лоуренс Бергрин создал самое авторитетное на сегодняшний день описание увлекательных путешествий Марко Поло, мастерски соединив жанры научного исследования, биографии и путевого дневника. Невероятная одиссея, вобравшая в себя все фантастические обстоятельства жизни отпрыска богатой купеческой семьи – от юности в Венеции и путешествия в Азию до возвращения в Европу и сочинения книги, история распространения и толкования которой не менее драматична, чем путь ее автора, – предстает в тщательно отобранных и ярких деталях. Опираясь на солидные первоисточники и материалы собственных путешествий по маршруту Поло в Китае и Монголии, Бергрин описывает жизнь человека, расширившего пределы знаний и воображения его современников, и анализирует легенды о нем, отделяя правду от вымысла, а историю от мифа. Книга выдержала множество переизданий, переведена на 14 языков. «Поло со временем приобрел статус посредника по обмену культурными ценностями, став одной из тех редких личностей, чей обширный опыт позволяет воплотить и передать дух эпохи последующим поколениям. Его культура была культурой путешественника и торговца и включала в себя множество субкультур: монгольскую, китайскую, культуру Индии и племен Азии. Его взгляд простирался от Армении до Занзибара. Его восприятие

этих культур, в особенности китайской, оставалось главным источником сведений о них для европейцев вплоть до XIX века. Мир, который исследовал Марко Поло, давно ушел в прошлое, но некоторые его черты поразительно современны». (Лоуренс Бергрин) Данная книга выходит на русском языке в двух сериях под названиями «Марко Поло: От Венеции до Ксанаду» (серия «Исторический интерес») и «История знаменитых путешествий: Марко Поло» (серия «Персона»). В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 910.4

ББК 26.890

ISBN 978-5-389-23988-3

© Бергрин Л., 2007

© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Персонажи	8
Пролог	9
Книга первая	13
1	13
2	26
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лоуренс Бергрин Марко Поло: От Венеции до Ксанаду (Исторический интерес) / История знаменитых путешествий: Марко Поло (Персона)

Laurence Bergreen

MARCO POLO

From Venice to Xanadu

Перевод опубликован с согласия Writers House LLC и литературного агентства «Синопис»

Научный редактор Т. А. Сафин, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН и лаборатории востоковедения РАНХиГС

© Laurence Bergreen, 2007

© Соловьева Г. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

Непревзойденный живой портрет Марко Поло и история его знаменитых путешествий.

Саймон Винчестер, писатель и журналист, офицер ордена Британской империи

Захватывающая панорама экстраординарной жизни Марко Поло, впечатляюще проработанная и искусно воссозданная.

Booklist

Глубоко исследованный материал и превосходное изложение.

The Washington Post Book World

Детализированное и яркое описание путешествий венецианского купца в самые экзотические места давних времен.

The Philadelphia Inquirer

Увлекательный рассказ о путешествиях. Мир, увиденный глазами Марко Поло, был более удивительным и фантастическим, чем любая выдумка.

New York Times Book Review

* * *

«Величайшая приключенческая биография» (Outside Magazine),
в топ-10 «Лучшие биографии» (Booklist)

Блистательное описание жизни интереснейшего человека.
Guardian

Марко Поло считал себя торговцем тканями, драгоценными камнями и пряностями. Однако главным его товаром было знание мира и народов, предвещавшее наступление Ренессанса. Его «Книга о разнообразии мира» показала путь в будущее и Востоку, и Западу.

Лоуренс Бергрин

Изумительный пересказ истории, которую когда-то поведал Марко Поло. Автор опирается на широкий спектр источников и литературы, чтобы создать убедительный портрет человека, который смог добраться до Китая из Венеции, и увлекательную картину того, что тот чувствовал и как поступал.

Джонатан Спенс, историк, китаист, лауреат John Adison Porter Prize, Los Angeles Times Book Award и Vursell Prize

Никогда еще мир Марко Поло не представлял таким реальным.
Entertainment Weekly

* * *

Моей матери Адель Гэйбл Бергрин

* * *

Хан спрашивает у Марко:

– А когда вернешься ты на Запад, то будешь там рассказывать все то же, что и мне?

– Говорю я то, что говорю, – ответил Поло, – а тот, кто слушает меня, улавливает только те слова, которых ждет. Одно дело – описание мира, которому внимаешь благосклонно, другое – то, которое облетит в день моего приезда лачуги грузчиков и гондольеров, выросшие на том месте, где стоял мой дом, третье – то, что я продиктовал бы, скажем, через много лет, если бы, плененный генуэзскими пиратами, попал в колодках в один застенок с переписчиком приключенческих романов. Ведь рассказом управляет ухо, а не голос.

Иногда мне кажется, что голос твой доходит до меня издалека, а сам я – пленник некоего красочного настоящего, где невозможно жить, где все виды человеческих сообществ завершили свои циклы и представить новые их формы невозможно. А твой голос называет мне незримые основания жизни этих городов, в силу которых они после своей гибели, быть может, возродятся.

Итало Кальвино. Невидимые города. Пер. Н. А. Ставровской

Персонажи

Запад

Марко Поло, венецианский купец

Никколо Поло, отец Марко

Маттео Поло, дядя Марко

Теобальдо из Пьяченцы, папский легат, впоследствии папа Григорий X

Рустикелло из Пизы, товарищ по заключению Марко в Генуе и его соавтор

Восток

Чингисхан, основатель Монгольской империи

Угэдэй-хан, сын и наследник Чингисхана

Хубилай-хан, один из внуков Чингисхана

Сорхахтани-беки, мать Мункэ, Хулагу и Хубилая

Чаби, главная жена Хубилая, буддистка

Ахмад, мусульманин, министр финансов Хубилая

Наян, соперник Хубилая, христианин

Ариг-Буга, младший брат Хубилай-хана

Хайду, двоюродный племянник Хубилая

Пагба, буддийский монах и лама из Тибета, создатель монгольской письменности

Баян Стоглазый, доверенный военачальник Хубилай-хана

Пролог Капитан

Летом 1298 года генуэзский флот, один из мощнейших в Европе, собирал силы для атаки на флот Светлейшей Республики Венеции. Несмотря на формальное перемирие, противники десятилетиями сталкивались в сражениях, соперничая за выгодные торговые пути на Восток. Искусные и отважные генуэзцы, как правило, одерживали верх в этих кровопролитных стычках. В 1294 году генуэзцы выиграли морское сражение, составив свои суда в огромный квадрат. При атаке венецианцев плавучая крепость отразила нападающих и обратила их в бегство. В следующем году генуэзцы снова доказали свое превосходство на море, потопив главный торговый флот Венеции. Поразив всех противников на воде, они продолжили преследование на суше. В 1296 году генуэзцы вырезали соперников в Константинополе ¹, подтвердив тем свою репутацию жестоких и беспощадных врагов.

Венеция медленно набирала силу. Под руководством смелых капитанов узкие венецианские галеры отгоняли генуэзцев по всему Средиземному морю до самой Сицилии, подготавливая декорации для битвы при Курцоле (ныне – Корчула, Хорватия), получившей название по островку у скалистого побережья Далмации, на который предъявляли права оба надменных города-государства.

Громадный генуэзский флот, в общей сложности восемьдесят восемь кораблей, вышел в море под уверенным командованием недавно назначенного адмирала Ламбы Дориа. Тот применил выжидательную стратегию, скрываясь за островами, затем вышел в теплые воды у тунисского побережья в надежде заманить нетерпеливых венецианцев в ловушку. Венецианцы не попались на приманку, и генуэзскому флоту пришлось удовлетвориться мелкими стычками. Наконец терпение Дориа истощилось, и он двинул флот на север, к Венецианскому заливу. Корабли, проплывавшие мимо городов и замков, находившихся под номинальной властью Венеции, не встретили значительного сопротивления. За отсутствием врага они бросили якорь у берега Курцолы в четырехстах милях юго-восточнее Венеции. Тогда налетел свирепый шторм и потопил шесть из восьмидесяти восьми кораблей, когда же он стих, уцелевшие занялись разграблением острова, рассчитывая, что этого затаившиеся венецианцы уже не смогут стерпеть.

Утром 6 сентября 1298 года в наплывающем влажном зное из тумана внезапно возник венецианский флот: девяносто шесть галер под командованием Андреа Дандоло, отпрыска знатного рода. Венецианские галеры, прославленные своей быстроходностью, представляли собой стройные изящные суда, похожие на гондолы. Их приводили в движение попарно расположенные гребцы. Галеры могли разрезать надвигающуюся волну или с той же уверенностью вонзить выдающийся на носу шип тарана в корабль противника. Выполнив этот маневр, венецианцы немедленно бросались на штурм вражеского судна.

Весла действуют наиболее эффективно, когда входят в воду под небольшим углом, поэтому эти суда выдавались над водой менее чем на три фута. (Галеры могли ходить и под парусом, но для парусного хода они были плохо снаряжены.) Люди на борту венецианских галер влачили жалкое существование. Сто человек команды теснились в узкой щели, запас воды и провианта был очень мал. На борту умещался всего недельный запас провизии: голод для измученных гребцов был скорее нормой, чем исключением. Кроме того, ночью венецианские галеры становились на якорь. Они выходили в плавание не более чем на четыре-пять дней

¹ Речь идет об уничтожении генуэзцами византийского квартала в Константинополе. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

и держались у берега – эти смертоносные, но на редкость легкоуязвимые суда предпочитали подстергать врага в засаде.

Одним из этих кораблей командовал Марко Поло, купец, три года назад вернувшийся из Китая. В свои сорок четыре года он превосходил других участников сражения по возрасту и опыту, приобретенному в длительных путешествиях. Он участвовал в битве как венецианский аристократ, снарядивший корабль на собственные деньги и доверивший управление судном опытному лоцману. Этот человек, с семнадцати лет странствовавший по дальним краям, чувствовал себя на борту как дома. Осада была его стихией, он неизменно оставался собранным и уверенным в себе. Сражение при Курцоле давало ему шанс прославиться в глазах сограждан, скептически принимавших его рассказы о Китае.

Андреа Дандоло вывел Марко и остальных венецианцев к дальнему берегу Курцолы, где они высадились – и немедленно попрятались в укрытиях. Тем временем Ламба Дориа разведал положение вражеского флота и пришел к ошибочному выводу, что противник оттягивает сражение из страха. Однако на следующее утро – в воскресенье 8 сентября – венецианцы пересекли остров и напали на генуэзский лагерь. Дориа, которому не терпелось наконец встретиться с венецианцами, повел своих людей в бой, разгоревшийся на море и на суше. Над землей небо потемнело от стрел, на море галеры таранили и поджигали друг друга. Дориа озирает сражение с мостика. Рядом стоял его сын Оттавио. Венецианская стрела пронзила грудь юноши. Дориа отказался принять сочувствие бывших вместе с ним на корабле людей. «Бросьте моего сына за борт, – приказал он. – Где найдет он лучший покой?»

Ветер был попутным для венецианцев. Под предводительством Дандоло они перехватили инициативу и захватили десять генуэзских галер, но удача вскружила им головы, и они посадили корабли на мель. После девятичасовой битвы измученные венецианцы стали сдавать. Генуэзцы захватили восемьдесят четыре венецианские галеры, часть потопили, другие сожгли. Скрыться удалось лишь считаным судам некогда гордого флота. Людские потери оказались еще большими. Всего генуэзцы пленили 8000 человек – ошеломляющее число для того времени, когда общее население Венеции насчитывало 100 000. Это поражение оказалось самым тяжелым для Венеции за десятилетия ее войны с Генуей.

Опозоренный Андреа Дандоло привязал себя к мачте флагманского судна и бился о нее головой, пока не разбил себе череп и не умер, лишив таким образом генуэзцев удовольствия казнить его.

Масштаб победы поразил и генуэзцев, уводивших пленные венецианские галеры в Геную. Среди тысяч несчастных пленников был Марко Поло, благородный венецианец.

Еще четыре недели генуэзский флот с пленными судами держал курс на юг, затем повернул к западу, пройдя под «каблуком» Италии, и наконец на север, к Генуе, куда суда прибыли 6 октября 1298 года. Галеру Марко Поло втянули в гавань кормой вперед. Паруса хлопали на ветру, флаги были приспущены, а команда закована в кандалы. Еще большее бесчестье ожидало Марко Поло на суше, где его, согласно некоторым сообщениям, немедленно заключили в палаццо ди Сан-Джорджо. Несмотря на благородное имя, это сооружение имело дурную славу у венецианцев, поскольку выстроено было из камня, бесстыдно похищенного из венецианского посольства в Константинополе. Таким образом был создан памятник генуэзскому военному превосходству. Строение украшали взятые из того же источника каменные львы – символ власти Венеции, – прирученные теперь ее главным соперником. Если верить оскорбленным венецианцам, пленники умирали там от голода, однако генуэзцы утверждали, что их хорошо кормили и хорошо содержали. Истина, вероятно, лежит где-то посередине. Пленники свободно передвигались в пределах палаццо и даже посылали на родину за предметами роскоши. Видные персоны, в том числе Марко Поло, занимали апартаменты с постелями под балдахинами из

дорогих тканей. Возможно, им разрешали посылать слуг с поручениями. Жизнь в плену была не столь мучительна, сколь скучна, но скука продолжалась годами. Даже в столь прискорбных обстоятельствах Марко Поло не потерял деловой хватки. С ним, как с капитаном венецианского судна, обходились достаточно почтительно. Он прославился по всей тюрьме, а затем и по всей Генуе как рассказчик поразительных историй о путешествии в Азию – те же истории он рассказывал прежде в Венеции. Он сумел привлечь внимание и воспользоваться обстоятельствами. Со временем он стал живой достопримечательностью. Незаурядность, которая помогла ему выжить в Монгольской империи и в Индии, очаровывала и притягивала людей, ранее с ним незнакомых. В конце концов заклятые враги, генуэзцы, прониклись величайшим почтением к этому удивительному и занимательному венецианцу. «Целый город приходил повидать и послушать его, и обходились с ним не как с пленником, а как с любимым другом и с самым уважаемым господином, выказывая ему такие почести и любовь, что едва ли был час, когда его не посещали бы самые знатные горожане, доставлявшие ему все необходимое для жизни», – писал Джованни Баттиста Рамузио, ученый эпохи Возрождения, составивший одно из первых жизнеописаний Марко Поло.

Избавившись от будничных торговых забот, Марко в тюрьме не просто выживал, но процветал, преобразившись в пожилую Шехерезаду мужского пола, зарабатывая на жизнь рассказами о своих приключениях и в особенности – о монгольском правителе Хубилай-хане. Венецианец мог похвастать, что видел его своими глазами. «Мессер Марко, – писал Рамузио, – видя, что каждый желает услышать о стране Китай и о великом хане, и утомившись ежедневным пересказом историй, решил изложить их на письме».

Скучая в палаццо ди Сан-Джорджо, Марко познакомился с фаворитом короля Англии Эдуарда I и автором нескольких рыцарских романов Рустикелло Пизанским. Генуэзцы захватили его в плен 6 августа 1284 года, в битве при Мелории, в которой нанесли решающий удар соперничавшей с ними Пизе. Как и другие заключенные, Рустикелло искал средства скоротать вынужденное безделье, и Марко обеспечил ему желанное развлечение. Красноречиво и пылко повествуя о своих приключениях, венецианец подробно описывал свое пребывание при дворе самого могущественного в мире владыки – Хубилай-хана.

Хубилай-хан в то время был полулегендарной фигурой для большинства европейцев, почитавших Монгольскую империю самым диким и опасным царством на земле. И вот перед Рустикелло оказался человек, не только видевший Хубилай-хана, но, по всей видимости, хорошо его знавший, по его приказу пересекший Азию из конца в конец и даже побывавший за ее пределами.

Рустикелло пишет: «Марко провел при Хубилай-хане полных семнадцать лет, и все это время путешествовал по его поручениям, доставляя ему известия из разных стран и так успешно выполняя все, что ему было поручено, что его посылали по самым сложным делам в самые отдаленные земли». Рустикелло с уважением добавляет: «Великий хан был столь доволен его успехами, что держал его в большом почете, выказывал к нему благосклонность и так приблизил к себе, что вызвал зависть в придворных. Марко объехал неведомые земли, узнал их, как никто другой, и многое запечатлел в своей памяти».

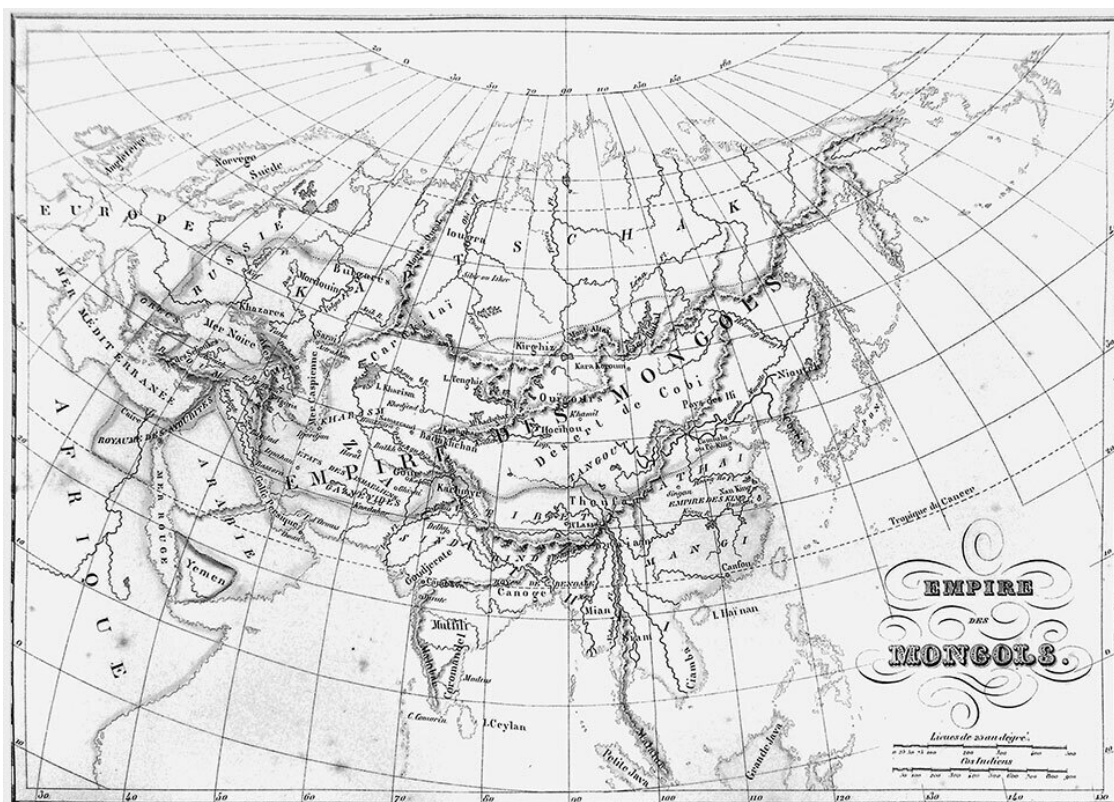
Другие товарищи по заключению развлекались, сочиняя стихи или длинные рыцарские романы. Временами тюрьма напоминала литературную колонию строгого режима, населенную аристократами-писателями и будущими знаменитостями. Среди них был и Рустикелло, одаренный бойким пером и талантом к лести, постоянно ищущий сюжетов – о приключениях, любви и битвах, – которые увлекли бы вельможную аудиторию.

Услышав удивительное повествование Марко Поло о путешествии на Восток, Рустикелло осознал, что напал на главный сюжет своей жизни, на самую удивительную из историй. Как и следовало ожидать, романист предложил путешественнику сотрудничество для создания

популярного отчета о путешествии Марко. Освещая беззаботностью мрачные обстоятельства, вызвавшие к жизни этот шедевр, Рустикелло пишет: «Пребывая вследствие войны в генуэзской тюрьме и не желая жить в праздности, он решил составить эту книгу на радость читателям».

Марко хорошо знал, что даже несчастье можно обернуть в свою пользу, и делал так на всем протяжении своей необычайной жизни. Чтобы освежить воспоминания, он послал за дневником своих странствий, и соавторы принялись за работу, составляя «Описание мира», каким его видел Марко Поло. Теперь оно известно под названием «Путешествия».

Книга первая Европа

1

ВЕНЕЦИАНСКИЕ КУПЦЫ

*И все очарованье
Разрушено – мир призраков прекрасный
Исчез, и тысячи кругов растут,
Уродуя друг друга... ²*

Она скрывается от врагов среди живописной россыпи островов общим счетом 118. Сырая, темная, тесная и многолюдная, она стоит на скалах и речных намывах. Крепости и живописные дворцы опираются на фундамент из сосновых свай и истрийского камня. В Венеции времен Марко Поло лишь немногие здания – за исключением огромной византийской базилики и других больших церквей – стояли ровно; остальные были как будто подмыты водой.

Марко Поло выросл в городе ночи, стремящейся к рассвету: туманном, потайном, полном суеверий и конфликтов. Даже старожилам Венеции случалось заплутать в тупиках и переулках, очутившись внезапно в каком-нибудь зловещем закоулке среди знакомых мест. Заго-

² Стихотворение Сэмюэла Кольриджа «Пейзаж, или Решение влюбленного» здесь и далее цит. в пер. В. Рогова. Эта цитата дана в предисловии к стихотворению «Кубла Хан, или Видение во сне», отрывки из него приводятся в пер. К. Бальмонта. – Прим. ред.

воршицкий шепот и смешки влюбленных невест откуда разносились по гулким улочкам. За тусклыми стеклами скромно перемигивались огоньки свечей и факелов. Вечерами над каналами поднимались паутинные пряди тумана, приглушая звуки, затемняя свет фонарей над дверями и в окнах над тихо вздыхающими каналами. Крысы были повсюду: выскакивали из каналов, шмыгали по причалам и по улицам, подгрызали хрупкое основание города, разносили чуму.

Узкие улицы и переулки, где человек плечами задевал стены, за многочисленными извилинами и поворотами вдруг распахивались на широкую, залитую солнцем гладь Большого канала, делившего город пополам и впадавшего в лагуну, а за ней – в просторы Адриатического моря.

Зимой в городе шумел карнавал (буквально: «прощание с мясом» перед Великим постом). Карнавал давал повод для оргий, разворачивавшихся прямо за стенами высоких дворцов. Слухи о нечестивых делах пробивались сквозь веселье и чувственные радости республики. Склонные к злу венецианцы предпочитали убивать без шума, ядом или удушением, и обычно убийство сходило им с рук.

В ненадежном мире XIII столетия венецианец мог быть уверен в нескольких вещах. За два века до Коперника и за триста лет до Галилея никто не сомневался, что Солнце вращается вокруг Земли, что небесные сферы идеально гладки и что Сотворение мира имело место ровно за 4484 года до основания Рима. Иерусалим считался «пупом мира». Где-то можно было отыскать вход на небеса и в ад. День для большинства был разделен часами молитв: утренняя, хваления три часа спустя, прима на рассвете, терция, делившая утро пополам, секста в полдень, обедня в середине дня, вечерня на закате и, перед отходом ко сну, повечерие. В эпоху веры наука в основном, если не полностью, сводилась к таким лжеучениям, как алхимия, стремившаяся превратить обычные, неблагородные металлы в золото, и астрология, существовавшая рука об руку с астрономией.

Силу человеку давали вода, ветер и животные. Каменный уголь в Западной Европе еще не использовали как источник энергии, до бумажных денег и печатного прессы оставалось двести лет. Самой передовой технологией было кораблестроение – корабли считались чудесным, хотя и весьма опасным транспортным средством.

Путешествия в Европе были чрезвычайно долгими и опасными предприятиями. Пересечь Ла-Манш считалось невероятно рискованным делом, и многие, решившиеся на него, жаловались, что плавание подорвало их здоровье. По суше люди передвигались со скоростью лошади: в среднем дневной переход составлял десять миль в день, и лишь при чрезвычайных обстоятельствах, на коротких отрезках пути – от пятнадцати до двадцати миль. Суеверия заставляли путников искать убежища на ночь в примитивных гостиницах, кишевших паразитами, где двое-трое постояльцев укладывались в одну постель. На то, чтобы добраться от Венеции до Парижа на телеге, уходило пять мучительных недель.

Однако в Венеции дела обстояли совсем иначе. Крошечная, но охватывающая взором целый мир Венеция вступала в позднее Средневековье, в период экономического роста, культурных достижений и расширяющейся коммерции. Путешествия были не исключением – нормой. Складывается впечатление, что каждый венецианец был путешественником и купцом или хотя бы стремился им стать. По всей Европе политические силы, прежде рассеянные среди хаотичных, непрочных империй, бравших начало во времена Рима, складывались в вооруженные и организованные города-государства, подобные Венеции. Увеличение коммерческих связей между городами-государствами вызвало прорыв в искусстве, технологиях, исследованиях и в финансовой сфере. Появились компас и часы, ветряные и водяные мельницы – жизненно важные для европейской экономики. Основывались университеты, дожившие до наших дней. В результате Венеция – да и вся Европа, как мы знаем, – пошла в рост.

Венеция – чарующая, византийская, стоящая на воде, – относилась к важнейшим центрам коммерции и культуры Европы XIII века. Процветающий город-государство жил ремеслами и торговлей. Торговля преуспевала благодаря агрессивному флоту, доблестно защищавшему город от постоянных нападений соперников-генуэзцев и арабских пиратов. В отличие от других средневековых городов Венеция не имела ни стен, ни ворот. В них не было нужды. Лагуна и болота защищали Венецию с воды и с суши. Будучи воротами к богатствам Востока, Венеция породила искусственную торговую аристократию, к которой относилось и семейство Поло, известное частыми путешествиями на Восток, особенно в Константинополь, за драгоценными камнями, шелками и пряностями. Венецианское общество было чрезвычайно расслоенным, отчаянно независимым и коммерческим. Оно держалось на уникальной комбинации феодального долга и широты взглядов.

Благодаря компактности Венеции, зажатой между лагуной и врагами, ее население остро ощущало свое единство. «Сосредоточившись в столь ограниченном пространстве, венецианцы, – пишет историк Джон Джулиус Норвич, – создали уникальную атмосферу единства и сотрудничества. Этот дух давал о себе знать не только во времена общенародных потрясений, но, что еще важнее, в повседневной жизни. Все венецианские аристократы, разбогатевшие на торговле, хорошо друг друга знали, а близкое знакомство порождало взаимное доверие, подобное тому, которое в других городах редко выходило за пределы семейного круга»³.

В результате венецианцы приобрели репутацию эффективных и скрупулезных дельцов – самых передовых в Европе. «Торговое предприятие, – говорит Норвич, – даже рассчитанное на огромный начальный капитал и многолетние усилия, сопряженные с большими рисками, на Риалято можно было организовать за несколько часов. Это касалось и простого партнерства между двумя купцами, и создания крупной компании, способной профинансировать крупный флот или трансасиатский караван. Иногда договоры заключались на определенный срок, иногда – и чаще – сделки автоматически расторгались по достижении оговоренной цели. Но так или иначе все было основано на доверии, и каждый твердо знал, что доверие не будет обмануто».

Практически все венецианцы участвовали в коммерции. Вдовы инвестировали в торговлю, и любой юноша без средств к существованию мог назвать себя «купцом», просто начав карьеру в бизнесе. Пусть риски были велики, невообразимые богатства завлекали всех предприимчивых, жаждущих и неразумных. Состояния наживались и терялись за одну ночь, и богатство венецианской семьи могло зиждиться на одной успешной экспедиции в Константинополь.

Венецианские купцы разработали разнообразные стратегии для преодоления трудностей в оживленной, широко разветвленной торговле. За отсутствием стандартной разменной валюты многообразие монет было кошмаром менял. У Византийской империи были безанты, в арабских странах – драхмы, во Флоренции – флорины. Венеция стремилась принимать все, основываясь на пропорции золота и серебра в каждой монете для определения ее ценности. Купцы, подобные Поло, пытались обойти эту нестройную монетную систему, неизбежно приводившую к недоразумениям и обесценивавшую монеты, используя вместо валюты драгоценности, такие как сапфиры, рубины и жемчуг, пользовавшиеся повсеместным спросом.

Для разрешения этих сложных и экзотических финансовых проблем Венеция разработала самую передовую в Западной Европе банковскую систему. От нее берут начало депозитные банки на всем континенте. В 1156 году Венецианская республика, первой со времен Античности, ввела государственный заем. Она же создала первые в Европе законы, регулирующие нарождавшуюся банковскую систему. В результате этих нововведений Венеция могла похвастать самой передовой коммерческой практикой.

³ Здесь и далее цит. в пер. А. И. Блейз.

Для нужд торговли с Востоком Венеция приняла римскую систему контрактов. Сложные контракты морского займа и морского обмена закрепляли взаимные обязательства судовладельцев и купцов и даже обеспечивали страховые выплаты, обязательные в Венеции начиная с 1253 года. Наиболее распространенным видом соглашений между купцами была *commenda*, или, на венецианском диалекте, *collegantia* – контракт, основанный на античных образцах. В вольном переводе это означало «деловое предприятие». Документ отражал скорее практиковавшиеся в торговле обычаи, нежели набор постоянных принципов. Хотя эти контракты XII и XIII веков выглядят устаревшими, они вполне современны в том, что требуют строгой отчетности. Подобные контракты отражали сущность и поддерживали зачатки капитализма задолго до введения в обиход этого понятия.

Еще одна поразительно современная черта в мировоззрении венецианцев: мир для них был «плоским» в том смысле, что все в нем было взаимосвязано вопреки природным и государственным границам. Мир представлялся им сетью постоянно меняющихся торговых путей по морю и по суше. В поисках ценных пряностей, драгоценных камней и тканей венецианцы по морю и по суше добирались во все четыре конца света. Благодаря их предприимчивости минералы, соль, воск, снадобья, камфара, гуммиарабик, мирра, сандаловое дерево, корица, мускатный орех, виноград, фиги, гранаты, ткани (особенно шелка), меха, оружие, слоновая кость, страусовые перья и перья попугаев, жемчуг, железо, медь, золотой песок, золотые слитки, серебряные слитки и рабы из Азии следовали по переплетению торговых путей в Венецию из Африки, Средней Азии и Западной Европы.

И еще более экзотические товары попадали в город на борту чужеземных судов. Огромные мраморные колонны, пьедесталы, панели и плиты, привезенные из руин храмов или дворцов Константинополя, греческих и египетских городов, складывали на пристани. Памятники Античности, надгробия погибших или умирающих цивилизаций, запутанными путями попадали в темный уголок площади Святого Марка или на фасад пышного палаццо герцога, а то и богатого венецианского купца. Многообразие товаров было столь велико, что об этом заявляет даже шекспировский герой, Антонио из «Венецианского купца»: «Наши торговля и доходы в руках всех наций»⁴. Венецианская торговля была синонимом глобализации – еще одна новорожденная идея той эпохи. Для увеличения размаха предприятий венецианцы вступали в партнерство с правительствами отдаленных стран и с их купцами, презируя расовые и религиозные границы. Арабы, евреи, турки, греки, а потом и монголы становились торговыми партнерами Венеции, даже если в политике оставались ее врагами. Поло были не первыми из купцов, добравшимися из Европы в Азию, хотя благодаря усилиям Марко Поло они стали самыми знаменитыми.

Куда бы ни попадали венецианцы, их узнавали по отчетливому акценту и диалекту – венето. Этот язык, подобно другим романским языкам, основывался на латыни, но усвоил словарь, синтаксис и произношение других языков – в том числе немецкого, испанского и хорватского. К ним примешивалась и малость французского. В венето было много звуков З и КС, но почти не было Л. Лорд Байрон, хваставший, что насладился двумястами венецианками за двести вечеров подряд, назвал венето «сладким бастардом латыни»⁵. Дополнительно осложняло дело существование множества вариантов венето. Венецианцам Поло, вероятно, нелегко было понимать диалекты соседних областей: Падуи, Тревизо и Вероны.

Отдельные слова из мира Марко Поло перешли из венето в английский. Венецианцы тех времен приветствовали друг друга «чао», точнее *sciavo* или *sciao vostro*, что буквально означает

⁴ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

⁵ В пер. В. Левика цитата из поэмы «Беппо» звучит так: «Люблю язык! Латыни гордый внук, / Как нежен он в признаньях сладострастных!» – Прим. ред.

«я – ваш раб». (В Венецию это выражение пришло из хорватского.) «Гондола» – тоже венецианское слово, хотя неизвестно, когда в городе появилась эта длинная, изящная черная лодка. Вероятно, во времена Марко Поло в извилистых городских каналах теснились разнообразные маленькие суда: гребные, парусные и галеры.

И «арсенал» как место, где производят и хранят оружие, пришло в венецианский язык от арабского «дар аль синаа», что означало «мастерская». Европейцы эпохи Марко Поло, используя это слово, подразумевали Арсенал в Венеции, прославленный центр судостроения. Корабельщики здесь работали на своеобразном конвейере, позволявшем с невероятной скоростью снаряжать галеры стандартными, подготовленными заранее частями, такими как кили и мачты. Испанец Перо Тафур, посетивший Венецию, описывает отточенные, как балетные па, действия рабочих: «От одного шлюза начинается длинная улица, заполненная морем, и на нее с обеих сторон открываются окна зданий Арсенала. Лодка буксирует по ней галеру, а из окон на нее ставят: из одного – снасти, из другого – хлеб, из следующего – оружие, затем баллисту и мортиры, и так со всех сторон подают все необходимое. Когда же галера достигает конца улицы, на нее всходит команда с веслами, и она уже снаряжена целиком и полностью».

Тафур описывает выпуск десяти «полностью снаряженных» галер за шесть часов: по одному военному кораблю каждые тридцать шесть минут. При такой скорости неудивительно, как быстро венецианский Арсенал мог превратить голый киль в полностью снаряженное судно, которым восхищалась вся Европа. Капитаны имели право окрасить свои галеры в любой цвет – куда он был черным.

Успехи венецианцев проистекали отчасти из единодушного ощущения гражданского и духовного предназначения. Мифология Венеции была мощной и красноречивой. Тезка Марко, святой Марк, был главным покровителем города. Связь была в лучшем случае призрачной, но во многом определяла коммерческий, предприимчивый дух города. В 828 году группа венецианских купцов затеяла похищение мощей святого Марка из захоронения в Александрии и с триумфом доставила их венецианскому дожу.

В оправдание своего поступка купцы говорили, что стремились лишь спасти мощи от осквернения мусульманами, и сочинили соблазнительный, хотя и малодостоверный рассказ о том, как во время перехода корабля с телом Марка по Адриатическому морю поднялась буря, которая загнала корабль в лагуну, над которой позже встала Венеция. Судно якобы простояло ночь на том самом месте, где позднее возвели дворец дожа. Венцом истории было явление Марку ангела, который сказал ему утешительные слова: «Покойся здесь». Со временем в этих словах стали видеть двойной смысл: что в лагуне Марку не грозят бури и что он принадлежит – кому же, как не Венеции? Перенос мощей святого Марка в Венецию остался, пожалуй, самым выдающимся похищением реликвий за всю историю христианства.

Тело Марка оставалось в Венеции и во времена Марко Поло, и после того. Оно покоилось в личной часовне дожа. Резиденция дожа была единственным строением в городе, которое носило имя дворца: все прочие здания, какими бы они ни были богатыми и пышными, даже те, что выходили на Большой канал, назывались «каса» – то есть дом, и это слово обычно сокращали до «ка». Так, дом семьи Поло назывался и называется по сей день Ка Поло.

В Венеции правила олигархия: правительство составляли 150 родов торговой аристократии. Менее 1 % населения определяли судьбу остальных 99 %. Порой тому или иному семейству удавалось пробить установившиеся границы и выбиться в ряды аристократии, однако с 1297 года эта практика была прекращена. Для поощрения коммерции Совет Венеции позволил среднему классу образовывать гильдии. Эти ассоциации и школы квалифицированных рабочих и ремесленников помогали бедным и даже содержали больницы. Возможно, Поло принадлежали к одной или нескольким гильдиям, что способствовало их коммерческим успехам. Их признавали богатыми купцами, но в правительство города они не входили. Вероятно, их имена

не дошли бы до потомства, если бы не фантастические подвиги Марко Поло и его упорное самовосхваление.

«Дож» – венецианское слово и венецианское понятие. Слово происходит от латинского «дукс», то есть вождь. Первые дожи были военачальниками, назначавшимися византийским императором. Когда город стал приобретать самостоятельное значение, ему понадобился собственный лидер, и звание дожей вошло в ряд постоянных местных реалий. Светский владыка, дож сохранял тесную связь со святым покровителем, и в его обязанности входила защита доверенной ему реликвии. Считалось, что святой Марк благословляет и защищает Венецию. Это соглашение обеспечивало верность Венеции западному христианскому миру, поскольку святые восточных сект, входившие в пантеон города, подчинялись святому Марку. Итак, дож и святой Марк совместно распоряжались судьбой города.

Сочетание светской власти дожа и духовного влияния Марка создавало в республике чувство политического предназначения – в конечном счете светского.

Дож был таинственной личностью и редко являлся перед народом. Он воплощал вечную, мистическую связь Венеции с морем, схожую с узами брака. Венецианцы воспринимали это настолько буквально, что каждую весну дож во время торжественной церемонии бросал в Адриатику золотое кольцо, закрепляя венчание с морем, примерно так же, как поддерживал взаимовыгодный оборонительный договор с Марком.

Култ дожа подтверждался ежегодно в праздник Вознесения – главный праздник венецианского календаря. Этот день отмечал захват венецианцами Далмации в 1000 году под предводительством дожа Пьетро II Орсеоло. С тех пор все венецианцы – дож, горожане и духовенство – отмечали это событие, освящая Адриатическое море.

Венецианцы питали страсть к красочным и зрелищным церемониям, но ни одна не могла сравниться с празднованием дня Вознесения.

Церемония начиналась с шествия городских властей, несущих воду, соль и оливковые ветви, освященные к празднику. Шествие всходило на флотилию галер, называвшуюся *muda*. К флотилии присоединялся дож на богато украшенной барже. Двигаясь к Лидо, духовенство пело псалмы, а епископ молил Бога «даровать нам это море». Разворачиваясь в символическое венчание дожа с Адриатикой, *Sposalizio del Mare*, церемония становилась еще пышнее и много говорила о психологии венецианцев. В 1177 году папа Александр III даже подарил дожу золотое кольцо, объявив при этом: «Прими его как залог власти твоей и твоих преемников над морем». Торжественно поднявшись с трона, дож бросал в воду освященное кольцо, провозглашая: «Мы венчаемся с тобой, о Море, в знак истиной и вечной власти Светлейшей Венецианской Республики».

После мессы дож устраивал пиршество для духовенства и видных горожан. На площади Святого Марка восемь дней подряд длился праздник, кульминацией которого становилась торговая ярмарка, знаменитая по всей Европе, поскольку товары для нее стекались в Венецию со всех краев земли. Даже церковь участвовала в празднестве, раздавая индульгенции всем участникам.

В 1268 году, когда Марко исполнилось четырнадцать, празднество по случаю избрания нового дожа, Лоренцо Тьеполо, превзошло даже ежегодное венчание с морем.

Церемония началась в духе милосердия: дож официально встретился со всеми политическими и личными врагами, устанавливая новый дух доброй воли и доверия.

По окончании церемонии командующий флотом республики провел корабли мимо Дворца дожей, читая при этом молитву за дожа и за Венецию и окончив ее словами: «Да помо-

жет вам святой Марк!» Галеры рассыпались по городским каналам, а за ними следовали все суда с окрестных островов.

Затем празднество переместилось на сушу, где члены гильдий по двое маршировали по узким улочкам Венеции в костюмах, представляющих род занятий каждой. Все они прошествовали перед дожем и его женой-догарессой. Там были моряки в белых одеждах с красными звездами, меховщики в шапках с горностаевой оторочкой, ткачи в оливковых венках и с оливковыми ветками в руках, мастера-ремесленники в золотых и пурпурных одеяниях и даже стегальщики в плащах, украшенных лилиями, с гирляндами из бус на головах, а также сапожники, цирюльники, стеклодувы в алых плащах, отороченных мехом, — все богатство и слава Венеции.

Вне праздников жизнь в Венеции бывала жестока. Женщины считались людьми второго сорта и рассматривались как движимое имущество. Рабовладение было обиходным явлением, особенно владение (и злоупотребление) рабынями, чьи хозяева, даже состоявшие в браке, использовали их для сексуальных услуг. Укоренившиеся обычаи закрепляли униженное положение женщин. Будущему мужу венецианцы давали такой совет: «Мужу не следует руководствоваться советом жены, не способной к здравому суждению, поскольку конституция ее не здрава и сильна, но слаба и ущербна».

Однако это мрачное общество было родиной Поло, здесь был его дом, полный незаконных детей и рабов, но надежный и безопасный, и в городе скандалов его репутация оставалась сравнительно безупречной.

За неполных двести лет с тех пор, как мощи святого Марка осветили Венецию, республика немало продвинулась к овладению Адриатикой и приморскими областями. Венецианский флот научился встречать боем грабителей, таких как норманны под предводительством Робера Жискара, чья армада грозила преградить Венеции пути через Средиземное море. В яростной схватке с судами Жискара, случившейся в Адриатике у западного албанского города Дураццо, венецианские корабли, не сумев пробиться в гавань, сцепившись, образовали плавучий остров, заградив проход. При подходе вражеских судов венецианцы на лодках, спущенных с «плавучего острова», пускали примитивные торпеды из бревен навстречу подступающим кораблям, топя их или нанося тяжелые повреждения. Тем не менее Дураццо остался за норманнами, в то время как венецианские купеческие и боевые суда рыскали по Средиземноморью в поисках добычи. Пожалуй, ни в одном городе-государстве коммерция так не сближалась с военным искусством, как в Венеции, где война и торговля стали почти синонимами. Республика практически непрерывно находилась в состоянии войны: то в форме партизанских действий, то в холодной войне, споря за территории и влияние, то в жестоких сражениях с решительным врагом. Не всякий раз победа оставалась за Венецией, но ее солдаты и моряки всегда готовы были с боем отстаивать коммерческие интересы.

Ни один из городов-государств не мог сравниться с Венецией в мореходном искусстве. Если купцы Республики пользовались почетом, то ее беспощадные моряки-воины внушали страх. Марко Поло в то или иное время выпало побывать в обеих ролях: торговца в мирное время и командующего в битве.

В 1204 году Венеция праздновала большую победу: захват Константинополя объединенными силами европейских государств, главное событие Четвертого крестового похода.

Триумф христианства во времена Марко Поло не казался предопределенным. Римская церковь вела войну за место под солнцем с множеством врагов: с исламом, с монголами, с Греческой православной церковью и даже с внутренними врагами. Век веры был в то же время веком смятения, опасностей и войн.

Первоначальная цель Крестовых походов была проста: позволить христианским паломникам по-прежнему посещать Гроб Господень — могилу в Иерусалиме, где, по преданию, упо-

коилось тело распятого Христа. Пилигримы стекались к этой святейшей из христианских святынь по меньшей мере с конца VIII века. Со временем право на Иерусалим стали оспаривать друг у друга христиане и мусульмане; и ближние, и дальние государи боролись за господство над городом. Коренной перелом произошел в 1009 году, когда фатимидский халиф Хаким – мусульманский правитель в Каире – призвал к уничтожению Гроба Господня. С тех пор христианам и иудеям, которым, на свое несчастье, довелось оказаться в Иерусалиме, грозила казнь, а христианский квартал в городе был обнесен неприступной стеной, допуск за которую был ограничен. За пять последующих лет были сожжены или разграблены тысячи церквей.

Запрет лишь подогрел желание христиан совершать паломничества в Иерусалим, церковь же организовала ряд Крестовых походов – общим счетом восемь – с благородной целью выволить христианские святыни из рук жестоких мусульман. Собранные на войну за веру с неожиданно возвысившимся исламом крестоносные воинства быстро распадались в распрях за политические выгоды и добычу. Ко времени короткого Четвертого похода (1202–1204) папство утратило власть над предприятием, главенство над которым оспаривали различные светские властители Европы. Дошло до того, что монархи порознь начинали собственные крестовые походы.

Первоначальный план Четвертого крестового похода был достаточно прост: папа Иннокентий III и проповедник Фульк из Нёйи-сюр-Марн призвали одолеть мусульманское воинство. Крестоносцы собирались взять Иерусалим по пути в Египет, и им нужна была поддержка Венеции.

Венецианцы, верные своим коммерческим принципам, держались в стороне от Крестовых походов. Однако в данном случае их лидеры почуяли, что религиозные войны могут оказаться выгодным вложением капитала. С их точки зрения, поход был попросту военной кампанией, нацеленной на достижение политических и финансовых выгод, и как таковой был понятен и близок венецианцам. После долгих переговоров, затянувшихся на восемь дней, республика согласилась перевезти 35 000 рыцарей с оруженосцами и пехотинцев, 4500 лошадей, предоставить корабли, построенные специально для этого случая, и припасы – все по вздутым до небес ценам. Французские лидеры похода страстно стремились поставить морскую силу Венеции на службу своему делу, но платить они не торопились, и в результате тысячи крестоносцев собирались в окрестностях Венеции, на Лидо, ожидая приказов и развлекаясь тем временем азартными играми и развратом.

Осознав, что Франция не в состоянии расплатиться по своим обязательствам, представители Венеции предложили новую сделку: они простят долг, если безработные крестоносцы помогут им достигнуть несколько иной цели – подчинить Зару (Задар), мятежный город по ту сторону Адриатического моря. Французы согласились. Зара пала, и участники поровну разделили добычу. Эта сделка довершила превращение Крестового похода из войны за веру в коммерческое предприятие.

Затем воодушевленные крестоносцы отплыли к Константинополю, столице Византийской империи, унаследовавшей восточные области Римской империи. Константинополь, названный именем римского императора Константина Великого, правившего в IV веке, был городом множества религий, однако преобладало в нем православное христианство. Крестоносцы считали православную религию почти столь же богохульной, как ислам, и потому заслуживавшей их мести. Впрочем, подошло бы любое оправдание, каким бы натянутым оно ни было, потому что Константинополь был сказочно богатым и легкодоступным трофеем.

Константинополь гордился не военной мощью, но библиотеками, произведениями искусства и архитектурой, превосходившей все известное в Западной Европе. Архитектурный стиль был перенят у римлян: римские арки, колонны и орнаменты – в сочетании с заимствованными с Востока элементами – стали основой византийской архитектуры. Население – более мил-

лиона человек – десятикратно превосходило население Венеции, но оказать сопротивление город не смог.

Разграбление Константинополя в 1204 году продлилось три дня – дни смерти и разрушений. Миряне и священники, женщины и дети – мечи крестоносцев не щадили никого. Когда насилие пошло на убыль, толпа ринулась в церкви, ломая алтари и вынося священные сосуды. Пьяные солдаты вместо попон покрывали спины своих лошадей облачениями священников. Пьяная проститутка плясала на патриаршем престоле, распевая непристойные куплеты. Разбивали – или уносили – надгробия и статуи античных времен. Тогда же многие из шедевров, манускриптов и религиозных принадлежностей были укрыты в относительно безопасных селениях и монастырях вне городской черты. Даже после ухода крестоносцев грабежи продолжались еще несколько лет.

Венецианцам достались самые лучшие трофеи: они умели оценить церковную утварь, распознать самые дорогие камни, самые лучшие статуи. Зримым символом завоевания стала четверка бронзовых коней из Константинополя, украсившая базилику Святого Марка. Эти кони воплощали отборную добычу, похищенную венецианцами и осевшую в городе. Лучшие константинопольские ремесленники тоже попали в Венецию. Легионы стеклодувов, серебряных и золотых дел мастеров, иконописцев, художников и скульпторов доставили в Венецию, где их искусство со временем стало служить принявшему их городу.

Известие о разграблении Константинополя и о зверствах, совершенных во имя христианства, ужаснуло папу Иннокентия III. Он успел отлучить от церкви множество крестоносцев, прежде чем осознал, что авансом отпустил им грехи и что его позиция может ослабить папство перед лицом непримиримых противников. После этого он умолк и, не вмешиваясь, наблюдал, как богатства Константинополя перетекают в римские соборы и церкви.

Православная церковь так и не простила Венеции ее роли в разграблении, а Константинополь так и не вернулся к прежней славе. Завоевание нарушило баланс сил, и большая часть империи подпала под контроль Венеции. Константинополь со временем вернул себе роль важного коммерческого центра, ворот на Восток для Марко Поло и других купцов, но утратил цельность и блеск. С тех пор этот город, населенный греками, венецианцами, египтянами и турками, славился не столько роскошью, сколько раздорами.

Венеция же представляла перед миром единым фронтом. Город управлялся горсткой знатных семей. Предки Марко Поло, хотя род его был довольно видным, никак не принадлежали к самым богатым или облеченным властью семействам. Эта честь оставалась за родами Дзено, Кверини и Дандоло, из которых выходили дожи, правившие городом-государством, и защищавшие его адмиралы. В том расслоенном обществе Поло находились на несколько ступеней ниже. Уважаемое и состоятельное семейство все же зависело от правителей города.

По поводу происхождения этой семьи согласие так и не достигнуто, но одна из версий предполагает, что Поло перебрались в Венецию из далматского городка Себенико в 1033 году. Себенико владели попеременно венгры и хорваты, позднее он вошел в состав венецианской империи. По другой версии, Марко Поло родился на Курцоле – острове, который позднее был захвачен генуэзцами. Есть и иное мнение, что Поло укоренились в Венецианской лагуне еще ранее.

Каково бы ни было его происхождение, Марко был связан и с угасающей античной традицией, и с нарождающимся в Европе Ренессансом. Имя Поло – римское Паулюс в венецианском произношении – часто появляется в гражданских записях начиная с 971 года, когда венецианец по имени Доменико Поло подписал петицию, запрещающую торговлю с арабами. Позднейшие записи показывают, что различные представители семьи Поло владели землей и соляными копиями и служили судьями по всей территории. Эта их деятельность предполагает,

что предки Марко Поло и в Венеции не теряли связи с ее взятой с бою провинцией – Далмацией.

Одна из нитей коммерческих интересов семьи Поло протягивалась в Константинополь. Записи 1168 года, когда Византийская империя была еще в силе, показывают, что брат деда Марко Поло, носивший то же имя, занял денег и отправил в Константинополь корабль – как позже младший Марко отправил корабль в битву у Курцолы.

Другие члены семейства оставались искать богатства и чести в Венеции. Дед Марко, Андреа Поло из прихода Сан-Феличе, гордился тремя сыновьями: Маттео, еще одним Марко и Никколо, отцом путешественника. Они, вероятно, принадлежали к венецианской знати, хотя и не были в первом эшелоне. Записи в венецианском архиве именуют Марко *nobilis vir*, то есть благородный муж. Этот титул много значил для Марко Поло, который относил себя к аристократии, считая, что его ранг должен почитаться повсюду. Он всегда и везде действовал в уверенности, что благородное происхождение защитит его от нападений разбойников и злодеев, обирающих простых смертных. Как бы далеко от дома ни забросила его судьба, он не сомневался, что хозяин, каким бы чуждым и властным он ни был, видит в нем венецианского аристократа и должен обходиться с ним соответственно.

Отец Марко Поло, Никколо, и его дядя Маттео вели прибыльный семейный торговый бизнес. В 1253 году братья покинули Венецию, отправившись в дальнейшее путешествие по торговым делам. Уезжая на Восток, Никколо мог не знать, что оставляет жену беременной. В следующем, 1254 году, родился Марко Поло.

К тому времени отец и дядя младенца находились в Константинополе. Славные времена расцвета для города миновали, однако он все еще находился под владычеством Венеции, установленном после разграбления в 1204 году. Их как будто рутинные разъезды из города в город по меркам того времени были весьма рискованными. Корабли поставляла и распоряжалась ими Венецианская республика. Пассажиры брали с собой на борт сундуки, постели, воду и галеты. И должны были в случае необходимости принимать участие в бою. Корабли снаряжались для противостояния любому противнику, и от пассажиров ожидалось участие в обороне.

Даже мирное плавание на Восток было чрезвычайно неприятно, неудобно и опасно. На сыром, переполненном людьми корабле стояло зловоние: пахла гнилая пища и человеческие экскременты. Паразитов было без числа, и пассажирам, подобным Поло, приходилось сосуществовать с тараканами, вшами и крысами. После месяца подобных мучений, довершавшихся бессонницей и морской болезнью, братья Поло благополучно прибыли в Константинополь. Они не спешили снова пуститься в многотрудное плавание и провели там шесть лет, устроив форпост своей маленькой торговой империи, к которому стекались купцы со всего света, и особенно с Востока.

За время, что они провели в Константинополе, город еще глубже погряз в долгах. Балдуин II, последний в ряду латинских императоров, вынужден был продавать Венеции свои драгоценности, чтобы расплатиться и удержать зыбкую власть. Дошло до того, что он заложил реликвию, считавшуюся терновым венцом Христа, венецианским банкам, охотно принявшим ее в залог. Даже сына он заложил венецианцам. В конце концов на помощь Балдуину пришел король Франции Людовик IX, между тем как его соперник Михаил Палеолог, происходивший из прежней династии греческих императоров, вступил в союз с Генуей с целью вырвать Константинополь из жадных лап Венеции. Непокойная политическая обстановка вызывала уличные волнения и столкновения между венецианцами, генуэзцами, греками и другими группами населения, недружно сосуществовавшими в городе.

Никколо и Маттео Поло решились бежать из беспокойного города в Солдайю (известную ныне как Судак), где семья Поло также держала торговый форпост. Из этой скальной крепо-

сти на Крымском полуострове открывается широкий вид на Черное море. (Кстати, название «Черное» было новшеством во времена Поло. До тех пор этот огромный внутренний водоем был известен всем, бороздившим его воды, просто как «Море».) То немногое, что известно о пребывании братьев Поло в Солдае, предполагает, что они там не преуспели.

Ранние сообщения показывают, что братья только и мечтали вернуться домой в Венецию, но дорога была слишком ненадежна. Сухопутные пути сторожили разбойники, на воде пираты грабили всякий попавшийся им на глаза корабль. При таких обстоятельствах братья не могли надеяться на скорое возвращение в Венецию.

Путешествия и торговые сношения с Востоком были тогда безопаснее по довольно невероятной причине: благодаря монголам, покорившим большую часть Азии и немалую часть Европы до восточного побережья Дуная. (Монголов иногда называют «татарами», однако в действительности татары были лишь одним из племен Монгольской империи. Русские первыми стали использовать это имя по отношению к монголам и другим завоевателям с Востока, европейцы же последовали их примеру.)

Как бы их ни называли, монголов считали исчадиями Сатаны, самым незаконным, жестоким и грешным народом на лике земли. В 1260 году папа Александр IV издал папскую буллу *Clamat in auribus* (латинское название дается по первым словам), предупреждая христиан о монгольской угрозе. «В ушах у каждого кольца, и да внемлют все, кто не впал в душевную глухоту, ужасный трубный глас темной угрозы, каковой, согласно с ходом событий, предвещает с несомненностью звуки войны и всеобщей гибели от небесного гнева, орудием которого стали бесчеловечные татары, поднявшиеся словно из тайных пределов ада, чтобы подавлять и сокрушать землю». Далее папа говорит о Монгольской империи как о «неуклонной опасности, близящейся на глазах».

Пока папа проклинал монгольскую угрозу, объект его ненависти преобразился. Стремление Чингисхана к бесконечному расширению империи сменилось относительно устойчивым режимом под властью его просвещенного и своеобразного внука, Хубилай-хана.

«Хубилай не был варваром», – замечает венецианский историк Альвизе Цорци. Скорее он был «монархом, стремящимся к высоким стандартам правления, преданным учености и для этих целей применяющим самые эффективные средства», что означает, что он «постоянно искал лучших путей в управлении государством и полагался на духовный авторитет, служивший ему лучше, чем насилие».

Самым сильным оружием Хубилая стали не меч и не копье, не огонь или яд, но торговля с миром за пределами империи. В самом деле, монголам, чтобы выжить при новом, установленном ими порядке, необходимы были европейские, персидские и арабские товары. Для получения их они вновь открыли ряд торговых путей, которые позднее – в XIX веке – назовут Шелковым путем. Шелковый путь, или древняя сеть торговых маршрутов, получивших это причудливое имя, поставлял не только шелк. По нему шли самые разнообразные товары: драгоценные камни, ткани, пряности, драгоценные металлы, оружие – а также идеи и религии. Им пользовались буддийские монахи и христианские миссионеры, венецианские, генуэзские и арабские купцы. Чтобы обеспечить такой обмен идеями и товарами, Чингисхан водворил в своем непокорном царстве *Pax Mongolica*, достигнутый ценой жесточайших репрессий. Для Цорци «монгольский мир» был «миром дымящихся руин». Однако прямым следствием монгольской тирании стала безопасность Шелкового пути для торговцев. По словам одного из путешественников, «молодая женщина могла пройти по нему, неся на голове золотой поднос и ничего не опасаясь». Для купцов, подобных Поло, было вполне безопасно углубиться по этому пути в сердце Азии и Монгольской империи.

Монголы и венецианцы «обживали» мир: венецианцы – пересекая моря на своих судах, монголы на суше – создав Шелковый путь.

В этом мире удивительным образом перемешивались идеи и товары, а империи процветали.

Никколо и Маттео Поло двигались на восток по северному ответвлению Шелкового пути, углубляясь все дальше в Монгольскую империю. В своей книге Марко мало упоминает подробности путешествия, предпринятого его отцом и дядей, однако вероятно, что они путешествовали верхом и на повозках.

Отец и дядя Марко вступили во владения Берке-хана ⁶ – еще одного из многочисленных внуков Чингисхана, – «имевшего репутацию одного из самых либеральных и цивилизованных государей Монгольской империи». Берке, иногда называемый Западным ханом, принял их с «великим почетом», каковой был вознагражден. «Двое братьев подарили ему, видя, что они ему по нраву, все драгоценные камни, привезенные ими из Константинополя», – говорит Марко. Не желая уступить гостям в щедрости, Берке «повелел выплатить им вдвое больше того, что стоили камни». Венецианские купцы обрели в Монгольской империи безопасную пристань.

Во владениях Берке братья, вероятно, не забывали о своей выгоде: пополняли запасы камней, монет и тканей, чтобы выгодно торговать с другими купцами. Их можно уподобить разъездной лавке, готовой на любую сделку, лишь бы она была прибыльной. Марко часто упоминает различные виды тканей: муслин, дамаст и, конечно, шелк, потому допустимо предположение, что его отец и дядя вели оживленную торговлю с другими торговцами – мусульманами, евреями и европейцами, особенно с генуэзцами, которых в Азии было больше, чем венецианцев. Возможно, они немного занимались и работоторговлей, и вернулись домой со слугой-арабом.

Спустя год братья были сыты монгольским гостеприимством и захотели вернуться домой, но Берке к тому времени был занят гражданской войной еще с одним внуком Чингисхана – Хулагу, правившим восточными землями. «В свирепой и кровопролитной битве, – говорит Марко, – Хулагу одержал победу, вследствие чего дороги почитались небезопасными и братья не могли вернуться прежним путем». Им сказали, что самый безопасный путь до Константинополя в военное время – по границе земель Берке-хана, и, избрав этот путь, они встретились со значительными трудностями. Они вышли в пустыню, «протянувшуюся на семнадцать дней пути, где они не находили ни селения, ни замка, ни прочного жилья, а только монголов с их стадами, живущих в шатрах на равнине».

Здесь они познакомились с круглыми «юртами» – войлочными палатками, в которых жили монголы, – и с «кумысом», перебродившим кобыльим молоком. Кумыс имеет резкий кислый вкус, и поначалу он внушал братьям отвращение. (Когда они соглашались его попробовать, монголы, угощавшие их, дергали их за уши, чтобы убедиться, что напиток проглочен.) Привыкая к новым обычаям, братья переняли и отвращение монголов к мытью. Правда, и венецианцы в те времена редко мылись, но запах монголов, у которых был недостаток воды, к тому же живших рядом со скотом, внушал обычному европейцу, оказавшемуся в их среде, глубокое отвращение. Со временем Поло преодолели свое отвращение и освоились с грубыми привычками хозяев. Более того, они научились говорить с монголами, и знание языка еще более, чем питье кумыса, связало купцов с местными жителями.

Братья Поло добрались до Бухары (ныне территория Узбекистана). Бухара от IX до XIII века была столицей нескольких империй. Бухара и ее разноязыкое население гостеприимно встретили Поло: город издавна был перекрестком дорог с востока и запада, в нем велась торговля шелками, фарфором, пряностями, слоновой костью и коврами. Однако за стенами

⁶ Братья Поло проделали путь из Крыма в Болгар, ставку Берке-хана (ныне – город в Татарстане).

Бухары царил хаос. Война между разными племенами преградила этот участок Шелкового пути, и Поло с отчаянием поняли, что их не ждет скорое возвращение домой. Марко скупно отмечает: «Не имея возможности двинуться дальше, они провели там три года». Эта задержка переменяла их судьбу.

Во время затянувшегося пребывания в Бухаре Никколо и Маттео познакомились с «видным и весьма одаренным лицом». Как выяснилось, то был посол Хулагу, направлявшийся на восток, к Хубилай-хану, «верховному вождю всех монголов, жившему на дальнем краю материка». Если братья Поло окажутся искусны в переговорах, посол мог открыть им путь ко всей Монгольской империи.

2

Золотой пропуск

*И скоро в трепете клочки видений
Соединяются, и снова пруд
Стал зеркалом.*

Никколо и Маттео Поло проводили дни в беседах с монгольским послом, заслужив его доверие и уважение. Марко отмечает: «Не имея прежде случая встречаться с уроженцами Италии, он высоко оценил знакомство и беседу с братьями, овладевшими уже монгольским языком». Те трудные дни на Шелковом пути, когда они не жалели усилий, овладевая монгольскими наречиями, окупились сполна. Посол – ни разу не названный по имени – вызвался представить их великому хану, на что они и надеялись. Посол, искушая их, обещал, «что они будут приняты с почетом и получают множество даров».

Никколо и Маттео полагали, что у них нет выбора, поскольку возвращение в Венецию «подвергло бы их великому риску». А потому они согласились забраться еще дальше на восток, чтобы повстречаться с вождем, которого ненавидела и боялась вся Европа и особенно папа.

Путь ко двору Хубилай-хана занял целый год. Место их встречи не определено, но вероятно, то была монгольская столица Ханбалык, к которой стекались путешественники из дальних стран. Монголы, стремившиеся торговать с иноземцами и учиться у них, отвели часть столицы под жилища иностранных посланников и частных купцов, решившихся углубиться в сердце Монгольской империи ради торговли, обмена идеями или установления дипломатических отношений. Монголы, составлявшие меньшинство среди своих подданных, сильно зависели от иностранцев в сложных вопросах управления империей и особенно в сборе налогов. Иноземцы являлись к ним из Европы и Азии, среди них было много генуэзцев и венецианцев, иудеев и мусульман, уйгуров, русских и персов. Для сокращения коррупции и сохранения национальной идентичности среди подавляющего множества китайцев монголы ввели сегрегацию. Китайцам, которыми они правили, не позволялось учиться монгольскому языку, а также носить оружие и жениться на монголках.

Естественные препятствия часто превращали путешествие по Шелковому пути в настоящее испытание. Марко упоминает снега, разливы рек и бурные потоки, затруднявшие продвижение посольства, но, встретившись с монгольским вождем, братья Поло вновь обрели уверенность в себе и целеустремленность.

Все в Хубилай-хане оказалось для них неожиданностью: его изысканная учтивость, так непохожая на укоренившееся представление о диких монголах, его ненасытное любопытство относительно Италии и христианских стран, его готовность к переговорам. Хубилай-хан, в свою очередь, был доволен, что эти представители чуждой культуры могут вести разговор на его языке.

Марко настаивает, что его отец и дядя были «первыми латинянами, – то есть христианами, – посетившими страну», но это утверждение остается сомнительным. Несколько европейских путешественников, в том числе миссионеров и рыцарей, опередили их, и некоторые оставили подобные отчеты о своих путешествиях. Братья Поло, на несколько лет оторванные от коммерческих связей, могли не знать о своих предшественниках и считать себя первыми европейцами, живьем увидевшими великого хана.

На пирах Хубилай-хан испытывал у своих экзотических гостей сведения о «западных частях мира, об императоре римлян и других королях и князьях». В особенности монгольский вождь желал знать об этих правителях, «кто из них важнее, каковы их владения, как осуществляется у них правосудие и как они соревнуются в военном искусстве». Более всего он расспрашивал о папе, о делах церкви, о религиозных обрядах и доктринах христианства. Братья-купцы вряд ли были экспертами в столь сложных вопросах, однако, если верить Марко, они давали «подобающие ответы на все эти темы на монгольском языке, которым овладели в совершенстве». Хубилай-хан был так доволен, что не раз призывал их на совещания относительно положения дел в христианском мире.

Опросив Никколо и Маттео и сведя с ними близкое знакомство, Хубилай-хан решил использовать их как двойных агентов; им предстояло стать его посредниками в отношениях с Западом, и в особенности с папой. Искусный в дипломатии великий хан завуалировал свои замыслы лестью или, по выражению Марко, «многократно уговаривал их сопровождать одного из его баронов – как называл хан своих верных вассалов – по имени Когатал с посольством к папе».

Братья не сразу решились принять столь ошеломляющее назначение. «Мы давно уже покинули те земли, – напомнили они хану, – и не знаем, что там случилось или делается, поскольку состояние тех стран изменилось, и мы опасаемся, что не сумеем исполнить твоего поручения». Все же они согласились – или принуждены были согласиться.

В своем официальном послании к папе Хубилай-хан просил прислать «не менее ста людей, умудренных в христианской вере и доктрине, которые бы знали также семь искусств и могли бы учить монголов и умели вести споры». Они также должны быть готовы проповедовать среди монголов, то есть «ясно показать ему, и идолопоклонникам, и другим его подданным, что их вера ошибочна и все идолы, которых они держат в своих домах, – от дьявола». Папские посланцы «должны уметь доказывать, что христианская вера и религия лучше, чем все другие религии, и что в ней истина». Папу, убежденного, что хан – исчадие ада, такая просьба должна была поразить до глубины души, однако она соответствовала любознательной натуре Хубилай-хана. Если папа и папские посланцы докажут свою правоту, «он и его подданные станут людьми церкви». Это не означало, что они откажутся от приверженности другим религиям.

У Хубилай-хана была и еще одна трудноисполнимая просьба: прислать «масла из лампы, горящей над гробом Иисуса Христа, Господа нашего, в Иерусалиме, к которому он питает глубочайшее почтение, полагая, что Христос – среди блаженных Богов». Хубилай-хан не предлагал сменить своих богов на Иисуса, как мог бы ожидать папа, имея дело с обычными неверными, а скорее готов был включить его в монгольский пантеон. Рим, разумеется, не принял бы такого условия, но братья Поло были слишком озабочены собственной судьбой, чтобы вступать в богословские споры с монгольским вождем. Они поклялись со временем вернуться к Хубилай-хану с сотней мудрецов и с маслом от Гроба Господня. Они согласились бы на все, лишь бы благополучно добраться до Венеции. Вряд ли Никколо и Маттео собирались буквально исполнить все пожелания: вторичное путешествие с сотней мудрецов было чистой фантастикой. Другое дело – елей от Гроба Господня, который, по поверью, обладал великой целебной силой для души и тела. В то время армянское духовенство охотно им торговало. Братья Поло вполне могли получить это масло, хоть и по высокой цене.

Залогом безопасного возвращения была полученная от Хубилай-хана чудесная «золотая табличка с гравировкой государственной печати и надписью по обычаю его владений». То была знаменитая пайцза, монгольский пропуск, гарантировавшая безопасность ее владельцу и почитавшаяся так широко, как если бы обладала магической защитной силой. (Название в действительности пришло из китайского; монголы называли ее «гереча».) Драгоценная табличка удостоверяла, что Никколо, Маттео и монгольский барон Когатал – посланцы самого

Хубилай-хана и что правители областей Монгольской империи обязаны снабжать их ночлегом, лошадьми и охраной, как самого императора, «под страхом бесчестья», если бы они отказались исполнить свой долг. Пайцза позволила семье Поло впервые, но далеко не в последний раз испытать широту и величие Монгольской империи под владычеством Хубилай-хана.

Всего через двадцать дней после отправления посольства их спутник Когатал серьезно заболел и вынужден был остаться. Однако и в его отсутствие пайцза повсеместно обеспечивала братьям безопасность, удобства и уважение.

Через три года братья добрались до маленького портового города Лаяс в стране, которая называлась Малой, или Меньшей, Арменией – на территории западнее Евфрата. Здесь они сели на корабль, начав самую рискованную стадию путешествия. На суше им приходилось опасаться только врагов, но путь по воде внушал ужас: только самые бесстрашные, отчаянные или безумные из путешественников решались доверить свою жизнь прихоти ветра и волн.

На сей раз фортуна благоволила к братьям Поло. В 1269 году они благополучно достигли цели, Акры (или Акко) – древнего порта на северном побережье нынешнего Израиля, чуть южнее Ливана.

Одно из древнейших в мире поселений, Акра много раз за свою историю переходила из рук в руки. В 1191 году король Франции Филипп II и король английский Ричард Львиное Сердце отбили ее у мусульманского султана Саладина, она стала столицей царства Иерусалимского и ненадолго твердыней крестоносцев.

В 1350 году немецкий клирик Лудольф фон Сухем описывал «этот славный город Акра». Он был выстроен из «ровно обтесанных камней, – замечает он, – с высокими и чрезвычайно мощными башнями». Городские улицы «очень ровны, стены всех домов одной высоты, все возведены из тесаного камня, чудно украшены цветным стеклом и росписью... улицы города затенены шелковыми или иными навесами от лучей солнца».

Акра служила естественной отправной точкой для путешественников на Восток, подобных Поло, смешивавшихся с ее пятидесятитысячным населением, которое составляли христиане-крестоносцы, мусульманские воины и еврейские купцы. Лудольф, к своему изумлению, нашел, что знать, посещая город, «расхаживает по улицам с царственным достоинством, каждый словно король среди своих рыцарей, свиты и наемной охраны, и его одежда и боевой конь чудным образом покрыты серебром и золотом, и они соперничают друг с другом в красоте и новизне наряда, и каждый украшает себя с величайшим тщанием». Братья Поло обнаружили, что они теряются среди других купцов Акры – «богатейших под небом», если верить Лудольфу.

Эти купцы съезжались из Пизы, Генуи и, конечно, из Венеции. «Все, что есть в мире удивительного и странного, доставляется сюда для знати и князей, живущих здесь».

Планы братьев вновь рухнули, когда они, с опозданием на несколько месяцев, узнали, что папа Климент IV умер 23 ноября 1268 года в Витербо. Казалось, нет числа препятствиям на их пути. «В отчаянии, – отмечает Марко, – они обратились к ученому клирику, легату, то есть официальному посланнику папы от римской церкви в Египте. Тот был наделен большой властью. Звали его Теобальдо из Пьяченцы». Преклонив колени, братья Поло изложили легату всю фантастическую историю с миссией доброй воли, которую направил к папе великий хан.

Легат выразил «великое изумление». К его чести, он счел, что из этого предложения можно извлечь «великое благо и великую честь» для всего христианского мира. Он посоветовал озабоченным венецианцам выждать время. «Когда у нас снова будет папа, вы сможете исполнить свою миссию». Ожидание избрания затягивалось, и конца ему было не видно. В нетерпении Никколо и Маттео решили отплыть в Венецию, а затем снова вернуться в Акру, чтобы завершить свое посольство к преемнику Климента IV, кто бы им ни стал. Проявив на

сей раз расторопность, они перебрались от Акры на остров Негропонт (ныне Эвбея), взошли на корабль и наконец достигли Венеции.

Более шестнадцати лет Никколо и Маттео не видели дома; за шестнадцать лет они пересекли континент из конца в конец – не единожды, но дважды; шестнадцать лет они жили своим умом и сумели добиться покровительства самого грозного и могущественного из земных владык. Приключений, пережитых ими, хватило бы на целую жизнь, но при всей дерзновенности и удачливости их путешествие лишь заложило почву для прославленной экспедиции, которую им предстояло совершить вместе с молодым Марко. Их ожидали ошеломительные новости.

Никколо узнал, что жена его умерла. Вероятно, еще больше изумился он, узнав, что она оставила «маленького сына пятнадцати лет по имени Марко». Это и был Марко Поло: мальчик, за всю жизнь не покидавший Венеции, ни разу не видевший отца и, до возвращения Никколо, имевший все основания считать себя сиротой.

Следующие два года Никколо и Маттео провели в Венеции, ожидая известий об избрании папы. Хотелось бы думать, что овдовевший Никколо провел это время, знакомясь со своим «маленьким сыном», о существовании которого прежде не подозревал, но записи говорят о другом. Очень скоро Никколо вторично женился, и его жена забеременела.

Хотя Марко совсем не знал отца и дядю, их приключения глубоко запечатлелись в его душе и предопределили будущее. Он слушал их рассказы о Шелковом пути и о монголах, о юртах и кумысе. Более всего он услышал об их знакомстве с поразительной личностью, Хубилай-ханом, рядом с которым тускнел даже облик дождя. Марко, как и его старшим родственникам, предстояло стать путешественником, отправиться на Восток.

Поразмыслив, Никколо и Маттео решили, что пришла пора им вернуться в Акру и там ожидать избрания нового папы. На этот раз они взяли с собой семнадцатилетнего Марко. Когда папа будет избран, они должны будут доставить его ответ Хубилай-хану. Ни о елее от Святого Гроба, ни о сотне мудрецов не было и речи. Все, что они могли предложить хану, был юный Марко.

Если первое путешествие в Монгольскую империю определялось цепью случайностей, и случай нес Никколо и Маттео от одного торгового города к другому, то второе, предпринятое во исполнение клятвы, обещало быть более целенаправленным. Они отправлялись не как эмиссары Венецианской республики или папы, но как послы Монгольской империи, и чувствовали куда больше уверенности в себе. Пайцза гарантировала им безопасность на просторах Азии, и в их пользу было знание монгольского языка.

Марко выехал из Венеции весной 1271 года. Вместе с Никколо и Маттео он пустился в долгое и опасное странствие к далекой столице, чтобы встретиться с наделенным невообразимой властью ханом. С отцом и дядей он познакомился всего за два года до этого.

Поло отправились с флотилией венецианских кораблей – *muda*, – направлявшейся к восточным берегам Адриатического моря. Суда жались к берегу и останавливались в знакомых портах, чтобы возобновить припасы. Не слишком уклоняясь от общего курса, флотилия разделилась на несколько конвоев, устремившихся к разным целям. Поло были в конвое, направлявшемся к Акре. Большую часть пассажиров составляли паломники в Святую землю, и с ними были Поло – двое испытанных путешественников, исполнявших данную клятву, и впечатлительный парнишка, которому предстояло стать взрослым вдали от дома.

Крепость, известная как Акра, была зримым напоминанием о прежнем Иерусалимском царстве. В XIII веке она оказалась в руках мусульман. Сама Акра была разделена на кварталы, где стояли дома представителей соперничающих государств, таких как Венеция и Генуя. В

крошечном порту не хватало места для кораблей, и многие принуждены были бросать якорь на рейде. Через город тек поток христиан-пилигримов, направлявшихся в Иерусалим. Акра, хоть и была невелика, гордилась двумя видными персонами того времени. Здесь можно было встретить в окружении английских рыцарей принца Эдуарда, который в союзе с монголами вел собственный крестовый поход против мусульман. Второй важной персоной был папский легат Теобальдо из Пьяченцы. Акра была так мала, что Эдуард был знаком с Теобальдо, а возможно, даже с купцами Поло.

Возвратившись в Акру, Поло отправились прямо к старому другу, чтобы возобновить знакомство двухлетней давности. При встрече старшие Поло выразили желание получить масло от Гроба Господня для выполнения данного Хубилай-хану обещания. Теобальдо позволил им отправиться в Иерусалим для закупки этого драгоценного еля.

Тогда, как и теперь, Иерусалим был как бы турнирной площадкой: город будоражили и возмущали соперничавшие религии. Здесь по приказу царя Соломона был воздвигнут Храм, здесь был распят Иисус. И отсюда же вознесся на небеса пророк Мухаммед. Мусульмане называли Иерусалим на свой лад: Аль-Кудс – «Святой». Ко времени прибытия Поло город уже две тысячи лет провел в осаде. Одна армия завоевателей сменяла другую, от римлян до мусульман. Каждая вера – и каждая армия – притязала на владение городом. В Иерусалиме не прекращались стычки и молитвы, а неуверенность в будущем была образом жизни.

Пока мусульмане и христиане спорили за владения и доступ к святым местам и реликвиям, колонны пилигримов в сопровождении проводников переходили от святыни к святыне. Поло – трое незаметных пилигримов в толпе – прибыли, может быть, с самой необычной миссией. Чтобы раздобыть обещанное Хубилай-хану священное масло, они отправились к Гробу Господню у подножия Масличной горы.

Несмотря на сомнения знатоков Библии, говоривших, что Святой Гроб не мог быть истинным местом погребения Иисуса, его продолжали почитать, и Поло, покупая масло, не имели оснований сомневаться в его подлинности.

То же место (теперь это Старый Иерусалим) описал Лудольф фон Сухем. «Здесь, при церкви Святого Гроба, живут дряхлые грузины, у которых ключи от часовни Гроба Господня, и пища, пожертвования, свечи и масло для лампад, горящих в склепе. Все это подают пилигримам через маленькое окошко в южных дверях церкви».

Вместе с другими паломниками к святейшей из святынь Поло получили масло, за которое, вероятно, расплатились щедрым пожертвованием. Затем они поспешили вернуться в Акру.

За время их отсутствия мало что изменилось. Теобальдо сообщил им, что кардиналы так и не сумели выбрать нового папу, хотя прошло уже два года. Нетерпеливые, воодушевленные удачной покупкой святого масла путешественники решили немедленно отправиться ко двору Хубилай-хана, не ожидая затянувшегося избрания. Они обратились к Теобальдо, каковой как-никак был папским легатом, с просьбой снабдить их официальным документом, который удовлетворил бы монгольского вождя и объяснил ему, что они не сумели исполнить порученного по причине смерти папы Климента и отсутствия преемника. «Синьор, – сказали они ему, по воспоминаниям Марко, – мы видим, что апостола нет, и хотим отправиться к великому владыке (так почтительные венецианцы именовали монгольского вождя), потому что против воли уже замешкались надолго и ждали достаточно. Итак, с вашего благословения мы хотели бы вернуться. Но об одном просим вас: дайте нам привилегии и письма, удостоверяющие, что мы явились с посольством к папе и не застали его в живых, и ждали, пока появится новый, когда же его так долго не могли избрать, вы, как легат, удостоверили все, что вы видели».

Судя по этой речи, Поло умели вести переговоры с представителями власти, и они получили желаемый ответ: «Я доволен вашим желанием вернуться к великому владыке». Правда,

вряд ли Теобальдо титуловал Хубилай-хана «великим владыкой», но легат охотно использовал Поло для установления дипломатических отношений с монгольским вождем. Более того, Теобальдо обещал уведомить хана, когда будет избран новый папа.

Поло полагали, что теперь у них имеется все необходимое и можно спокойно возвращаться к монгольскому вождю. Они перебрались в отправной пункт, армянский порт Лаяс, через который проходили три года назад на пути к дому. Лаяс, хотя и крошечный, по сообщению Марко, кишел «купцами из Венеции, Пизы, Генуи и из глубин материка, явившимися туда, чтобы продавать и покупать товары и держать в этом городе склады».

И вот, когда обстоятельства казались почти идеальными, разразился мятеж. Марко рассказывает: «Внук великого хана... взялся уничтожать все дороги через пустыню, прорывая огромные рвы и ямы, и все это делалось для того, чтобы войска не могли его преследовать». Восстание задержало Поло в Лаясе. И вновь они как будто в заточении и не могут ни вернуться в Венецию, ни двинуться к Ханбалыку. Пока они бессильно ожидали подавления восстания, к ним добрался курьер с поразительным известием: 1 сентября 1271 года, после тридцати четырех месяцев промедления (самый долгий срок за всю историю папства) кардиналы наконец избрали нового папу, причем не кого иного, как их верного друга и покровителя Теобальдо из Пьяченцы, или Теобальдо Висконти. «Чему братья весьма обрадовались», – отмечает Марко.

Однако избрание папы вызвало новую задержку, потому что курьер доставил им вызов от вновь избранного папы. И братья Поло опять вернулись в Акру, на сей раз под охраной вооруженного эскорта. Они трудились даром. Теобальдо, ставший самой важной персоной христианского мира, торжественно приветствовал их, почтил своим благословением и дал в их честь пир. В то же время вновь избранный понтифик обдумал миссию к Хубилай-хану и пришел к выводу, что она предоставляет идеальную возможность распространения христианства в Монгольской империи и особенно в Китае. Для этой цели он предложил услуги двух монахов, «действительно самых ученых и достойных во всей провинции», по словам Марко. «Одного звали брат Николай из Виченцы, другого – брат Гильом из Триполи». Они были наделены чрезвычайными полномочиями как церковными, так и мирскими: «привилегии, хартии и письма, уполномочивающие их на все, что было во власти самого папы, так что они могли рукополагать епископов и священников, отпускать грехи и скреплять договоры, подобно ему самому, к тому же он вручил им много драгоценных камней и других даров для передачи великому хану и его послам». В целом возведение их друга и защитника на папский престол оказалось удивительно удачным случаем для Поло, теперь направлявшихся на Восток с блистательными перспективами.

Благоприятные обстоятельства вскоре рассеялись. На пути через Армению Поло вызвали гнев местного властителя, султана Бейбарса, который угрожал им по меньшей мере заключением в тюрьму. В страхе за свою жизнь оба ученых монаха отказались продолжать путь. Однако Поло не для того зашли так далеко и ждали так долго, чтобы отступить перед первым препятствием. В уверенности, что сумеют договориться с местными племенами, вероятнее всего подкупая их драгоценностями, Никколо, Маттео и Марко упрямо продолжали путь, уже без папского эскорта.

27 марта 1272 года Теобальдо из Пьяченцы вступил на папский престол под именем Григория X. Однако к тому времени его протее из Венеции далеко ушли по пути приключений, великих трудностей и значительных последствий для церкви, Монгольской империи и хрупких, неустойчивых связей между Востоком и Западом. Их решение продолжать путь вопреки всему означало в глазах большинства европейцев, что они идут на верную гибель. Здравому уму представлялось невероятным, чтобы они добились успеха, с трудом верилось даже в то, что они выйдут из этого испытания живыми.

Однако Поло смотрели на дело иначе. Они верили в безграничные возможности торговли с Востоком, лишь бы купцу хватило умения пожинать громадную прибыль. Они считали себя не защитниками христианской веры и не дипломатами, а купцами. В их глазах коммерческие выгоды были важнее, чем предстоящее столкновение цивилизаций. Теперь им оставалось испытать свою точку зрения. Если они правы, то когда-нибудь смогут вернуться в Венецию богачами. Если они ошибаются, о них, возможно, уже никто никогда не услышит.

3

Ученик

*И древний лес, роскошен и печален,
Блестит там воздушностью прогалин.*

Обратного пути не было. Покончив с досадной задержкой в Венеции, Акре и Иерусалиме, Поло достигли Армении, откуда для Марко начинался путь в сердце Монгольской империи. Вопреки ожиданиям, дорога без пышного папского эскорта давалась легче: они меньше привлекали внимание и избавлены были от сложных формальностей.

Скоро их начали мучить сомнения. На этой первой стадии путешествия оказалось, что Никколо и Маттео, опытные торговцы и дипломаты, не столь искусны в выборе маршрута. Путаница лежащих перед ними дорог и путей приводила их в смущение. Даже в век веры для успеха экспедиции требовалась подготовка и знания, дополняемые удачей, выражавшейся в счастливых совпадениях по времени. В первые месяцы отряду Поло всего этого не хватало.

Они собирались обогнуть Армению с юга на верблюдах или волах или, если придется, пешком по сотням миль опасных горных троп и добраться до стратегически расположенного портового города Ормуз на Персидском заливе. Там им предстояло договориться о переправе на судне через пролив. Марко не упоминает, что они заранее выбрали порт назначения: возможно, они отложили решение до Ормуза, полагаясь на обстоятельства. Купцы, выходившие в Индийский океан, предпочитали крупные портовые города на западном побережье Индии. Оттуда Поло могли бы сушей добраться до монгольской столицы.

Их подвела неопределенность планов. Поло скоро убедились, что Армения принадлежит к самым беспокойным землям на их пути. О, если бы все оставалось так, как при Александре Великом! – грустно восклицает Марко в короткой ссылке на этого молодого и великого полководца, чья тень легла на многие земли. В 330 году до н. э. Армения стала базой Александра, и, как полагал Марко, повсюду правили его бесчисленные потомки. Александр, кажется, принадлежал к немногим героям Античности, известным Марко, – в основном потому, что он фигурировал во множестве романов – недостоверных, но занимательных повествований о героических деяниях завоевателя. Подобные рассказы были распространены в Европе, да и у монголов бытовали легенды об Александре. За армиями Александра по Армении прокатились волны мусульман, византийцев, турок, мамелюков и, наконец, европейских крестоносцев. Все они, не жалея крови, стремились завладеть Арменией. Ко времени, когда в Армению попали Поло, она «подчинялась великому хану» – то есть Хубилай-хану, – но ненадежно. «Хотя населяют ее христиане, – пишет Марко, – они не держатся истинной веры, как римляне... (иными словами, они были еретиками), и это происходит от недостатка учителей, потому что прежде они были добрыми христианами». «В этой стране великих радостей» они были привержены забавам. В давнем прошлом Армения славилась доблестными воинами и культурой, «однако ныне они погрязли в праздности и низости и ни в чем не хороши, разве что в обжорстве», – по крайней мере, такими их увидел трусоватый неженка из Венеции. Возможно, для него это было к лучшему, поскольку их беззащитный отряд благополучно миновал Армению.

Недоверчивость молодого Марко к армянам перешла в отвращение, когда они вступили в «провинцию туркменов» – ныне Турцию. Прежде всего, говорит он, ее жители «поклоняются Мухаммеду и держатся его веры», что для него было нестерпимо. Более того, «их законы жестоки, они живут во всем подобно зверям, невежественны и говорят на варварском языке». Иными словами, население этой области отличалось от народов, с которыми он сталкивался

прежде, и потому было для него непонятно, и он отнесся к жителям с обычным для европейца пренебрежением. Он достаточно справился с отвращением, чтобы отметить их кочевой образ жизни: «Иногда они остаются в горах, а иногда на равнинах, в зависимости от того, где могут найти хорошие пастбища для своих стад, потому что они не пашут землю, а живут одним скотоводством. И эти туркмены почти всегда живут в полях вместе со своим скотом и носят одежду из шкур, и дома у них из войлока или из шкур».

Зато их ковры привлекли взгляд купца, уже наученный различать хорошую работу.

«Лучшие в мире ковры, — отмечает он, словно готовя рекламное объявление, — из багряного шелка и других цветов, с золотом, очень красивые и яркие, отменного качества». Столь высокая оценка подразумевает, что он с энтузиазмом скупал их и что «красивые и яркие» цвета помогли Поло извлечь выгоду из этих сделок. В торговле Поло были столь же удачливы, сколь в путешествиях.

Привыкая к жизни путешественника, Марко с трудом переносил смешение культурных традиций и вер — не говоря уже о языках, пище и одежде. «Этим монголам безразлично, какого бога почитают в их землях, — объясняет он. — Если только все верны хану и послушны, и платят назначенную дань, и блюдут правосудие, они могут поступать со своей душой как им угодно». Живущие под властью монголов свободны были оставаться «иудеями, язычниками или сарацинами — то есть мусульманами — или христианами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.